

Корнелиус Райан

САМЫЙ ДЛИННЫЙ ДЕНЬ

ВЫСАДКА ДЕСАНТА СОЮЗНИКОВ
В НОРМАНДИИ

Корнелиус Райан

**Самый длинный день. Высадка
десанта союзников в Нормандии**

«Центрполиграф»

Райан К.

Самый длинный день. Высадка десанта союзников в Нормандии /
К. Райан — «Центрполиграф»,

Классическое произведение Корнелиуса Райана, одного из самых лучших военных репортеров прошедшего столетия, рассказывает об операции «Оверлорд» – высадке союзных войск в Нормандии. Эта операция навсегда вошла в историю как день «D». Командующий мощнейшей группировкой на Западном фронте фельдмаршал Роммель потерпел сокрушительное поражение. Враждующие стороны несли огромные потери, и до сих пор трудно назвать точные цифры. Вы увидите события той ночи глазами очевидцев, узнаете, что чувствовали сами участники боев и жители оккупированных территорий. Автор опирается на многочисленные документальные источники: записи военных журналов, телефонных переговоров, рапорты.

Содержание

Предисловие	6
Самый длинный день	7
Часть первая	9
Глава 1	9
Глава 2	10
Глава 3	11
Глава 4	13
Глава 5	17
Глава 6	19
Глава 7	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Корнелиус Райан

Самый длинный день

Высадка десанта союзников в Нормандии

Всем, кто в день «D» был там, посвящается.

* * *

Поверь мне, Ланг, все будет решено в первые двадцать четыре часа вторжения... От успеха или неудачи союзников зависит судьба Германии
Фельдмаршал Эрвин Роммель своему адъютанту, 22 апреля 1944 года.

Предисловие

День «D», вторник 6 июня 1944 года

Операция «Оверлорд» (высадка союзных войск в Европе) началась в ноль часов пятнадцать минут 6 июня 1944 года, который навсегда войдет в историю как день «D». В ноль пятнадцать отряды специально отобранных десантников из 101-й и 82-й воздушно-десантных дивизий США покинули доставившие их самолеты и вступили на освещенную лунным светом землю Нормандии. Пять минут спустя в 50 милях¹ от них высадились десантники из 6-й британской воздушно-десантной дивизии. Это был головной отряд, в задачу которого входило обеспечение последующей высадки парашютистов и планеров с пехотой.

Воздушно-десантным войскам союзников предстояло захватить и удержать объекты до высадки морского десанта на нормандском побережье в районе пяти плацдармов: «Юта», «Омаха», «Золото», «Юнона» и «Шпага». Пока парашютисты вели ночные бои, самая большая в мировой истории армада кораблей приблизилась к плацдармам – почти пять тысяч кораблей, на которых находилось свыше двухсот тысяч солдат, матросов и морских пограничников. В первой волне морского десанта, который вышел на берег в шесть тридцать утра, участвовало несколько тысяч человек. Действия десанта поддерживала массированная бомбардировка авиации и морской артиллерии.

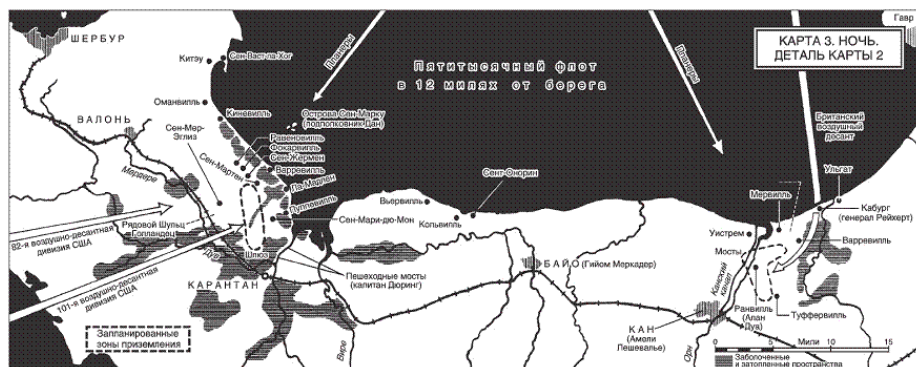
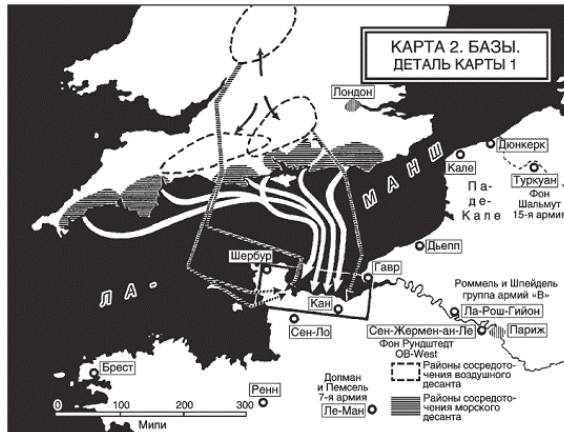
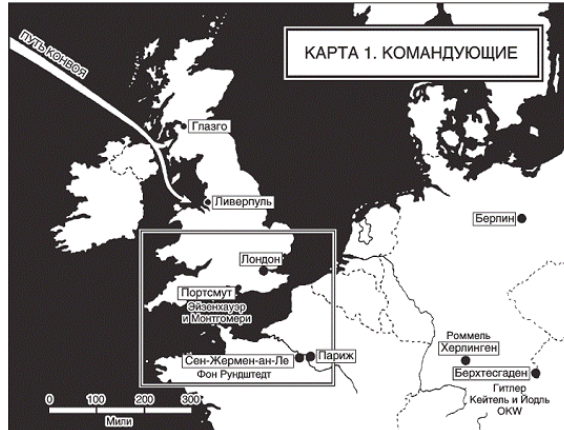
То, что вам предстоит прочесть, не история войны. Это судьбы людей, которые сражались в составе союзников; тех, кто им противостоял, и мирного населения, которое невольно было вовлечено в кровавые события дня «D», который стал началом конца бесноватого Гитлера, мечтавшего покорить мир.

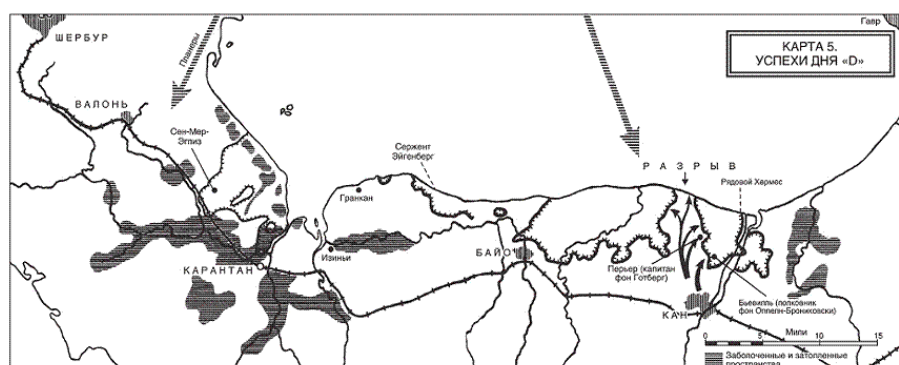
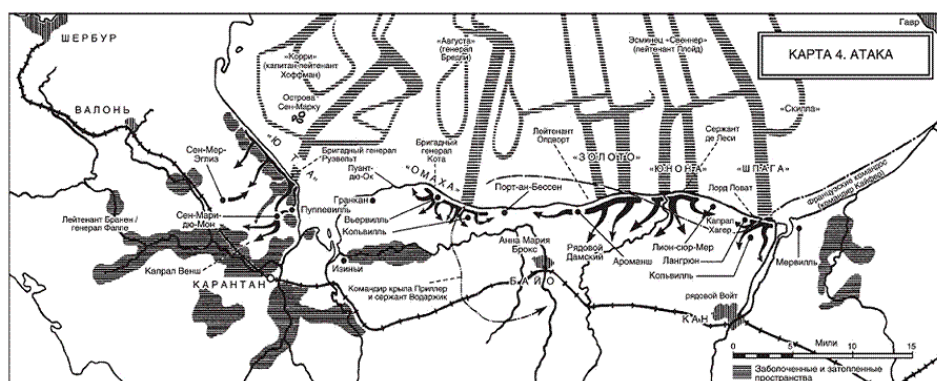
---

¹ 1 миля = 1,6 км.

Самый длинный день

Высадка десанта союзников в Нормандии

Часть первая Ожидание

Глава 1

Унылое сырое июньское утро пришло в маленькую деревню Ла-Рош-Гийон, которая за почти двенадцать веков не изменилась и стояла на берегу излучины Сены на половине пути между Парижем и Нормандией. Веками это было место, которое путники проходили не задерживаясь. Единственной примечательностью был замок – имение герцогов Ля-Роше, – который скрашивал однообразие пейзажа. Замок выделялся на фоне гор за деревней, мирная жизнь которой скоро будет нарушена.

В то серое утро массивная каменная кладка замка блестела, покрытая росой. Было почти шесть часов утра, но на двух внутренних дворах замка никого не было. За воротами начиналась дорога, ведущая в деревню, которая в этот утренний час также была пуста. Ставни на окнах домов, крытых красной черепицей, были затворены. Ла-Рош-Гийон внешне казалась вымершей, но за закрытыми ставнями жили люди, которые ждали звона колокола.

В шесть часов каждое утро колокол церкви Святого Самсона, построенной в XV веке, напоминал прихожанам о святой Марии. В мирное время жители при первых ударах колокола обычно крестились и совершали молитву. Но в тот день утренний звон означал конец комендантского часа и начало 1451-го дня немецкой оккупации.

Ла-Рош-Гийон была переполнена патрулями и часовыми. Одетые в плащи, солдаты стояли у обоих ворот замка на блокпостах, на въезде и выезде из деревни, в будках у подножия известняковых холмов и на руинах башни, которая стояла на самом высоком холме рядом с замком. Отсюда пулеметчикам удобнее всего было следить за каждым передвижением в самом оккупированном населенном пункте на территории захваченной Франции. Среди пасторальных окрестностей деревня Ла-Рош-Гийон была похожа на тюрьму: на каждого из 543 жителей деревни приходилось более трех солдат и офицеров. Одним из офицеров был фельдмаршал Эрвин Роммель, командующий группой армий «В» – самой мощной группировки на западном фронте Германии. Штаб Роммеля находился в Ла-Рош-Гийон.

Здесь на пятый, критический год Второй мировой войны Роммелю предстояло готовиться к самому безнадежному сражению в своей карьере. Под его командованием находилось более полумиллиона солдат, которым предстояло оборонять простиравшееся почти на 800 миль побережье от противоприливных дамб Голландии до омываемых водами Атлантики берегов полуострова Бретань. Главные силы Роммеля – его 15-я армия – были сосредоточены на берегу Па-де-Кале в районе самого узкого места пролива, разделяющего Англию и Францию. Ночь за ночью бомбардировочная авиация союзных войск наносила по этому району удары. Обезумевшие от бомбежек ветераны 15-й армии с иронией рассказывали: им казалось, что передохнуть от бесконечных налетов можно только в расположении 7-й армии в Нормандии, куда, по их мнению, бомбы не падали.

В течение месяцев войска Роммеля, защищенные береговыми зарослями и минными полями, находились в состоянии ожидания в бетонных укрытиях. Но на свинцовых водах пролива кораблей не было видно. Все было спокойно. В то пасмурное воскресное утро из Ла-Рош-Гийон тоже нельзя было обнаружить признаков вторжения союзных войск. Началось 4 июня 1944 года.

Глава 2

Роммель в одиночестве сидел в комнате на первом этаже, которая служила ему кабинетом. Он работал за массивным столом эпохи Ренессанса. Рабочее место освещала только настольная лампа. Комната была высокая и просторная. Одна из стен была украшена гобеленом. На другой висел портрет герцога Франциска, писателя и проповедника XVII века, одного из предков современных герцогов. С портрета в золоченой раме надменно смотрел бывший владелец замка. На отполированном паркетном полу беспорядочно стояло несколько стульев. Окна комнаты были занавешены толстыми шторами. Больше в помещении ничего не было.

Кроме самого Роммеля, в кабинете не было ничего, что принадлежало фельдмаршалу. Не было фотографий его жены Луизы-Марии и его пятнадцатилетнего сына Манфреда. Не было вещей, напоминавших о его великих былых победах в пустынях Западной Африки, не было безвкусного фельдмаршальского жезла, которым великодушно наградил его Гитлер в 1944 году (золотой жезл был длиной 18 дюймов, весил 3 фунта,² был покрыт красным бархатом и увенчан орлами и черной свастикой). Роммель лишь однажды брал его в руки – в день награждения. В комнате не было даже карты с нанесенной оперативной обстановкой. Легендарный «Пустынный лис» был, как и прежде, скрытен и неуловим; он мог в любую минуту покинуть комнату, не оставив после себя никаких следов.

Несмотря на то что Роммель выглядел старше своих лет (ему было пятьдесят один), он по-прежнему был полон энергии. Никто в группе армий «В» не мог припомнить, чтобы Роммель спал больше пяти часов. В это утро он встал, как обычно, раньше четырех утра. Сейчас он с нетерпением ждал шести часов, когда должен был состояться завтрак с руководством штаба, после которого ему предстояло отбыть в Германию.

Это должно было быть его первое посещение дома за много месяцев. Он собирался ехать на машине, потому что Гитлер сделал полеты на самолете для генералитета практически невозможными, настаивая на том, чтобы самолет обязательно был трехмоторным и сопровождался истребителями. Роммель, который вообще летать не любил, намеревался за восемь часов добраться до Ульма на своем большом черном «хорхе».

Роммель с нетерпением ждал момента, когда тронется в путь, но решение ехать домой далось ему нелегко. На его плечах лежала огромная ответственность за предотвращение вторжения союзников на континент. Третий рейх сотрясали катастрофы и поражения. Дни и ночи тысячи бомбардировщиков союзников совершали налеты на Германию. Советские войска уже были на территории Польши, части союзников стояли у ворот Рима; повсюду противник теснил и бил войска вермахта. Германия еще не была повержена, но вторжение союзников могло и должно было стать решающим сражением. На карту была поставлена судьба Германии, и никто лучше Роммеля не понимал этого.

Но в это утро он собрался ехать домой. Он так долго мечтал провести в Германии несколько дней в начале июня. Было немало причин, почему он мог сейчас съездить домой; кроме всего прочего, ему необходим был отдых, хотя сам себе он в этом не признавался. Несколько дней назад он позвонил своему начальнику, престарелому фельдмаршалу Герду фон Рундштедту, командующему Западным фронтом, и попросил разрешения на поездку. Разрешение было дано немедленно. Затем он прибыл в штаб Западного фронта в Сен-Жермен-ан-Ле, недалеко от Парижа, чтобы оформить отъезд. Фон Рундштедт и его начальник штаба генерал-майор Гюнтер Блюментрит были шокированы внешним видом Роммеля. Блюментрит потом будет не раз вспоминать, что Роммель выглядел «усталым и изношенным... ему был необходим отдых в кругу семьи».

---

² 1 фунт = 0,45 кг.

Роммель безумно устал от постоянного стресса. С самого первого дня приезда во Францию в конце 1943 года он находился в состоянии страшного, едва переносимого напряжения, постоянно решая вопрос, где и когда ожидать вторжения. Пребывание на побережье, как и для всех, кто там был, было для Роммеля испытанием сил. Ему приходилось ставить себя на место союзных войск, пытаться проникнуть в их замысел: как они начнут наступление, где будут высаживаться и самое главное – когда.

Только один человек знал, в каком напряжении жил Роммель. Своей жене Луизе-Марии он доверял все. Менее чем за четыре месяца он написал ей более сорока писем и почти в каждом письме излагал новый вариант высадки союзных сил.

30 марта он писал: «Март заканчивается, англо-американские войска не атакуют... Начинаю думать, что между ними нет доверия и понимания».

6 апреля: «У нас напряжение растет день ото дня... Возможно, недели отделяют нас от главных событий».

26 апреля: «Моральное состояние в Англии плохое... Одна забастовка следует за другой... Призывы «долой евреев» и к миру становятся все громче... Это не та ситуация, при которой можно начинать рискованное предприятие».

27 апреля: «Сейчас мне кажется, что британцы и американцы не могут объединиться для решения своих задач».

6 мая: «На горизонте не видно ни англичан, ни американцев... С каждым днем мы сильнее... Я почти уверен в нашей победе... Может быть, это произойдет 15 мая или в конце месяца».

15 мая: «У меня нет больше возможности обстоятельно инспектировать войска... потому что никто не знает, когда начнется вторжение. Мне кажется, что до начала событий здесь осталось несколько недель».

19 мая: «Возможно, мне придется вступить в дело раньше, чем думал... Я сомневаюсь, что появится возможность провести несколько дней в июне вне места службы. В данный момент это представляется невозможным».

Но возможность представилась. Одна из причин, которая позволила Роммелю покинуть расположение своих войск, была его собственная оценка намерений союзников. Ему был представлен недельный рапорт группы армий «В». Это была детальная оценка обстановки, которая к середине следующего дня должна была быть направлена в штаб фельдмаршала Рундштедта (по немецкой военной терминологии «ОВ-West»). Оттуда, после соответствующей обработки, рапорт становился частью полного отчета о театре военных действий, который направлялся в штаб Гитлера (ОКВ).

Из рапорта Роммель уяснил, что силы союзников «находятся в высокой степени готовности» и наблюдается «увеличение потока сообщений, направляемых французскому Сопротивлению». Но далее говорилось, что «предыдущий опыт свидетельствует о том, что указанные факты не следует обязательно рассматривать как прелюдию к скорой попытке вторжения...».

В данном случае Роммель при оценке обстановки сделал неправильный вывод.

Глава 3

В кабинете начальника штаба, который находился прямо по коридору за кабинетом Роммеля, тридцатилетний адъютант командующего капитан Хельмут Ланг готовил утренний доклад. Роммель привык знакомиться с последними данными рано утром, чтобы потом за завтраком обсудить их со своим штабом. Но сегодня доклад не содержал ничего особенного; по всему фронту было спокойно, за исключением обычных ночных бомбардировок в районе Па-де-Кале. Сомнений не возникало: продолжительные бомбардировки указывали на то, что союзники выбрали берег Па-де-Кале для десантирования.

Ланг посмотрел на свои часы. Было начало седьмого. Они должны тронуться ровно в семь. Путешествие обещало быть приятным. Ехать должны были без охраны; только две машины: самого Роммеля и вторая, принадлежащая полковнику Гансу Георгу фон Темпельхофу, который должен был ехать вместе с ними. Командиры частей, через расположение которых они должны проезжать, как всегда, не были предупреждены. Роммель не любил лишней суеты и парадности, ненавидел щелканье каблуками, рапорты, эскорты на мотоциклах, оживавшие его на въезде в каждый город, и вообще все, что отнимало время. Они предполагали прибыть в Ульм около трех часов дня.

Как всегда, для Ланга возникала проблема: что заготовить для ленча. Роммель не курил, пил редко и мало заботился о еде, иногда даже забывая поесть. Часто, когда они с Лангом отправлялись в дальнюю поездку, Роммель на предлагаемом меню обеда часто писал карандашом крупными буквами: «Обычный полевой обед». Иногда он еще больше дезориентировал Ланга, когда говорил: «Если ты добавишь к этому пару отбивных, я возражать не стану». Внимательный Ланг никогда не знал, что заказать на кухне. В это утро, кроме термоса с бульоном, он заказал сандвичи. Он исходил из предположения, что Роммель наверняка забудет о ленче.

Ланг вышел из кабинета и пошел по отделанному дубовыми панелями коридору. Из комнат доносились звуки голосов и стук пишущих машинок. Штаб группы армий «В» был загружен работой. Ланг постоянно удивлялся, как герцог и герцогиня, которые занимали верхние этажи, могли спать в таком шуме.

В конце коридора Ланг остановился перед массивной дверью. Он деликатно постучал, повернул ручку и вошел. Роммель не поднял головы. Он так погрузился в бумаги, что не заметил, что его адъютант вошел в комнату. Ланг знал, что лучше не беспокоить Роммеля, и замер в ожидании.

Роммель оторвал глаза от бумаг и сказал:

– Доброе утро, Ланг.

– Доброе утро, фельдмаршал, – произнес Ланг и протянул доклад. Затем он вышел из комнаты и стал ждать начальника за дверью, чтобы сопровождать его на завтрак. Этим утром фельдмаршал казался очень озабоченным. Ланг, который знал, каким импульсивным и переменчивым бывает Роммель, начал сомневаться в реальности предстоящей поездки.

Откладывать поездку Роммель не собирался. Он собирался встретиться с Гитлером, хотя точной договоренности о встрече еще не было. Все фельдмаршалы имели право на аудиенцию у фюрера, и Роммель позвонил своему старому другу, генерал-майору Рудольфу Шмундту, адъютанту Гитлера, и попросил о встрече. Шмундт предложил провести встречу между шестью и девятью часами. У Роммеля было правило, чтобы никто вне его штаба не знал о его встречах с Гитлером. В соответствующем журнале в штабе Рундштедта была сделана запись о том, что Роммель проведет несколько дней дома.

Роммель был абсолютно уверен, что может сейчас покинуть свой штаб. Май был позади, а это был самый подходящий месяц для атаки союзников. Роммель был уверен, что высадки не будет в течение ближайших недель. Он был так уверен в этом, что даже определил срок окончания программы возведения препятствий. На его столе лежал приказ для 7-й и 15-й армий. В нем говорилось: «Необходимо принять все меры к тому, чтобы закончить строительство препятствий, которые сделали бы высадку противника во время отлива возможной только ценой огромных потерь с его стороны... Работы продолжать ускоренными темпами... Об окончании доложить мне к 20 июня».

Роммель, как и Гитлер и все немецкое руководство, полагал, что вторжение может начаться одновременно с наступлением на Восточном фронте или сразу после начала летнего наступления Красной армии. Они знали, что советское наступление не начнется раньше конца июня по причине поздней весны.

На западе уже несколько дней стояла плохая погода, и прогноз обещал дальнейшее ухудшение. Данные на пять утра, подготовленные главным метеорологом люфтваффе в Париже полковником Вальтером Штобе, прогнозировали усиление облачности, сильный ветер и дождь. Даже сейчас над проливом скорость ветра составляла от 20 до 30 миль в час, и Роммелю представлялось маловероятным, чтобы союзники рискнули начать операцию в течение ближайших дней.

Даже в Ла-Рош-Гийон погода за ночь изменилась. Напротив стола, за которым работал Роммель, находилось два окна, доходящие до пола, которые выходили в сад, где росли розы. Но сейчас сад нельзя было бы назвать розовым – повсюду валялись лепестки роз и сломанные ветки. Перед рассветом с Ла-Манша налетел шторм, который захватил французское побережье.

Роммель открыл дверь кабинета и вышел в коридор.

– Доброе утро, Ланг, – сказал Роммель, как будто еще не виделся со своим адъютантом. – Все готово к отъезду?

Вместе они пошли завтракать.

Раздались звуки колокола церкви Святого Самсона. Казалось, каждая нота отстаивала свое право звучать в борьбе с завыванием ветра. Было шесть часов утра.

Глава 4

Между Роммелем и Лангом были простые неформальные отношения. Они были постоянно вместе на протяжении месяцев. Ланг начал служить у Роммеля в феврале, и не проходило дня, чтобы они не делали инспекционных поездок. Как правило, в половине пятого утра они уже мчались на максимальной скорости в какую-нибудь отдаленную часть. Часть могла находиться в Голландии, Бельгии, Нормандии или Бретани. Решительный и пунктуальный фельдмаршал не тратил попусту ни одной минуты. «Сейчас у меня есть только один враг, – говорил он Лангу, – и этот враг время». Чтобы выиграть время, Роммель не жалел ни себя, ни своих подчиненных. Так было начиная с ноября 1943 года, когда Роммель оказался во Франции.

Той осенью фон Рундштедт, отвечающий за оборону всей Западной Европы, обратился к Гитлеру с просьбой о подкреплении. Вместо этого, ему прислали делового, смелого и амбициозного Роммеля. Появление Роммеля с директивой проинспектировать береговую фортификацию, которую Гитлер пропагандировал как «Атлантический вал», с последующим докладом результатов поездки лично фюреру в ОКВ, не могло не уязвить самолюбия аристократичного шестидесятивосьмилетнего командующего Западным фронтом.

Униженный и расстроенный приездом более молодого Роммеля, фон Рундштедт обратился к нему Marschall Bubi (в переводе «маршал-пацан»). Рундштедт спросил фельдмаршала Вильгельма Кейтеля, не является ли Роммель его преемником. Кейтель ответил: «Не выдумывайте, при всех способностях Роммеля он не годится для такой работы».

Сразу по прибытии Роммель произвел беглый осмотр «Атлантического вала». То, что он увидел, потрясло его. Только в некоторых местах железобетонные оборонительные сооружения были готовы: в главных портах, устьях рек и выше Гавра до Голландии. В других местах сооружения находились на различных стадиях строительства, а в ряде мест строительство еще не начиналось. В целом «Атлантический вал» и в нынешнем состоянии представлял труднопреодолимое препятствие. Там, где работы завершили, на валу были установлены орудия крупного калибра. Но их количество не устраивало Роммеля. Для того чтобы отразить внезапное нападение, не хватало практически всего, а такое нападение, как помнил Роммель на основании событий годичной давности, когда он потерпел поражение от Монтгомери в Северной Африке, обязательно произойдет. Поэтому, на его взгляд, «Атлантический вал» был просто фарсом.

Два года назад вал едва ли существовал вообще.

Вплоть до 1942 года Гитлеру и всем нацистам победа казалась настолько очевидной, что строить фортификационные сооружения вдоль береговой линии необходимости не было. Свастика висела повсюду. Австрия и Чехословакия были заняты еще до начала войны. Польша была поделена между Германией и СССР в 1939 году. С начала войны не прошло года, а страны Западной Европы стали падать одна за одной, как гнилые яблоки. Дания была оккупирована за один день. Норвегия была покорена не сразу, но всего за шесть недель. Затем в течение мая и июня за двадцать семь дней без всяких дипломатических усилий гитлеровские части вторглись в Голландию, Бельгию, Люксембург и Францию; на глазах изумленного мира скинули британцев в море в Дюнкерке. После разгрома Франции оставалась одинокая Англия. Какая же была необходимость строить «вал»?

На Англию Гитлер не напал. Его генералы толкали его к этому, но Гитлер выжидал, полагая, что британцы сами попросят о мире. Время шло, и ситуация резко изменилась. С помощью США Британия стала постепенно приходить в себя. К тому времени, когда Гитлер уже глубоко вторгся в СССР, он обнаружил, что побережье Франции не является более трамплином для дальнейшего наступления. Побережье стало уязвимым местом в его обороне. К осени 1941 года он стал говорить своим генералам о необходимости превращения Европы в «неприступную крепость». А в декабре, когда США вступили в войну, фюрер объявил на весь мир, что создаст «...пояс из гигантских фортификационных сооружений, начинающихся от Киркенеса на норвежско-финской границе... до Пиренеев на французско-испанской границе... Это мое непреклонное решение – сделать здесь фронт непреодолимым для любого противника».

Это была похвальба. Не вдаваясь в подробности, видно, что длина береговой линии, начинающейся у Северного Ледовитого океана на севере и заканчивающейся в Бискайском заливе на юге, составляет почти 3 тысячи миль.

Даже напротив Британии, в самом узком месте пролива, защитных сооружений не было. Но для Гитлера оборонительная линия стала навязчивой идеей. Генерал-полковник Франц Гальдер, впоследствии начальник Генерального штаба, хорошо помнил, как Гитлер первый раз излагал свою фантастическую схему. Гальдер, который никогда не простит Гитлеру его отказ напасть на Англию, принял идею Гитлера прохладно. Он допускал строительство фортификационных ансамблей, «если они вообще нужны, вдали от береговой линии, вне досягаемости корабельной артиллерии», так как в противном случае войска будут скованны и прижаты. Гитлер метнулся к столу, на котором лежала карта, и целых пять минут истоптанно кричал, колотя кулаком по карте: «Бомбы и снаряды будут падать здесь, здесь, здесь и здесь, перед валом, за валом, на вал, но внутри сооружений войска будут целы! Потом они выйдут из укрытий и вступят в бой!»

Гальдер ничего не сказал, но понял, как и другие генералы из Верховного командования, что, несмотря на опьяняющие победы рейха, фюрер боится второго фронта, боится вторжения.

Работы по укреплению береговой линии продвигались медленно. В 1942 году, когда ход войны уже начал меняться не в пользу Гитлера, британские коммандос стали совершать рейды на территорию «неприступной» Европы. Позже была проведена самая кровопролитная операция, в которой участвовало свыше пяти тысяч канадских десантников, высадившихся в Дьеппе. Это была прелюдия к вторжению. Оперативные службы союзников хотели выяснить, насколько надежно немцы защищают порты. Потери канадцев составили 3369 человек, из них 900 убитыми. Их рейд оказался катастрофически неудачным, но Гитлер был страшно напуган. Он громил своих генералов за то, что «Атлантический вал» еще не готов, и кричал, что строительство нужно вести с «фанатической» скоростью.

Так и стали делать. Тысячи подневольных рабочих трудились день и ночь. Были вылиты миллионы тонн раствора. Было израсходовано так много цемента, что во всей захваченной Гитлером Европе его не хватало для выполнения других работ. Заказы на стальные элементы конструкций невозможно было выполнить в предполагаемые сроки, и инженерам приходилось

обходиться без них. Дело доходило до того, что у некоторых орудийных башен отсутствовал механизм поворота и орудия могли стрелять только в одном направлении. Материалов требовалось так много, что на строительство «Атлантического вала» были частично использованы материалы со старой французской линии Мажино и немецкой линии оборонительных сооружений (линии Зигфрида). К концу 1943 года, несмотря на то что сооружение вала было еще далеко до окончания, на строительстве работало более полумиллиона человек, и завершение вала превращалось в грозную реальность.

Гитлер признавал, что вторжения на континент союзных сил не избежать, и теперь перед ним вставала другая проблема: найти дивизии для защиты построенных укреплений. На Восточном фронте протяженностью 2 тысячи миль дивизии вермахта исчезали одна за одной под беспощадными атаками Красной армии. В Италии, которая вышла из войны после вторжения на Сицилию, необходимо было держать многотысячный контингент. Гитлер был вынужден укреплять свои силы на западе за счет неординарных перемещений и перегруппировок. Призыву подвергались старики и дети, перебрасывались остатки дивизий с Восточного фронта, формировались части из «добровольцев» (состоящие из поляков, венгров, чехов, румын, югославов, две русские дивизии, собранные из пленных, которые предпочитали воевать на стороне нацистов, а не сидеть в лагерях). Участие этих образований в боях было маловероятно. Ими просто затыкали дыры. Но боеспособные части, в том числе и бронетанковые, у Гитлера были. К моменту дня «D» таких насчитывалось до 60 дивизий.

Не все дивизии были полностью укомплектованы, но Гитлер все еще надеялся на «Атлантический вал». На самом деле надеяться не стоило. Даже Роммель, который воевал на других фронтах, где потерпел поражение, был шокирован, когда увидел, в каком состоянии находятся фортификационные сооружения. Во Франции Роммель не был с 1941 года. Он, как и многие другие генералы, верил гитлеровской пропаганде и полагал, что укрепления почти готовы.

Его уничижительная оценка состояния «вала» не явилась неожиданной для командующего Западным фронтом фон Рундштедта. Он с такой оценкой был согласен; впервые их мнения совпали. Старый мудрый Рундштедт в 1940 году совершил успешный фланговый обход линии Мажино, который привел к крушению Франции. Для него гитлеровский «Атлантический вал» был «просто блеф... больше для немцев, чем для противника, который благодаря своей агентуре знает о вале больше его создателей». Вал сможет выполнить роль «временного препятствия», но не может остановить наступление союзных войск. Фон Рундштедт считал, что противодействовать начальной стадии высадки невозможно. Его план заключался в том, чтобы отвести свои части от побережья, а затем атаковать войска союзников после их высадки. Он был уверен, что это будет самый подходящий момент, когда союзные войска будут вынуждены вести боевые действия на изолированных плацдармах без надлежащего снабжения.

С такой теорией Роммель не был согласен. Он считал, что сорвать высадку противника можно единственным способом: встретить его на берегу. У противника не будет возможности подтянуть подкрепления, и его можно будет разбить с помощью массированного применения авиации и артиллерии.

Все имеющиеся силы от пехоты до бронетанковых частей должны находиться в полной готовности и быть сосредоточены на побережье или вблизи него. Его адъютант хорошо помнил день, когда Роммель изложил свою стратегию. Они тогда стояли на пустынном берегу, и маленький, несколько полноватый маршал в большой теплой шинели со старым шарфом на шее величественно расхаживал по песку.

В руке он держал маршальский черный жезл с серебряным набалдашником, с которого свисала кисть из черных, белых и красных нитей. Роммель показал жезлом на песок и сказал: «Война будет выиграна или проиграна на этих песках. У нас есть единственный шанс остановить врага: сделать это, пока он в воде и пытается выбраться на берег. Подтянуть сюда резервы

противник не сможет, и это обстоятельство не стоит даже обсуждать. Главная линия обороны будет проходить здесь... Все, что у нас есть, должно быть сосредоточено именно здесь. Поверь мне, Ланг, первые двадцать четыре часа вторжения будут решающими для союзников и Германии. Это будет самый длинный день».

Гитлер в целом одобрил план Роммеля, и с тех пор фон Рундштедт стал для Роммеля номинальным начальником. Роммель выполнял указания фон Рундштедта, только если они совпадали с собственными представлениями Роммеля. Проводя такую политику, он часто использовал один и тот же аргумент: «Фюрер дал мне исчерпывающие указания». Он не говорил таких слов надменному фон Рундштедту, а аргументировал ими свою позицию перед начальником штаба Западного фронта генерал-майором Блюментритом.

При поддержке Гитлера и невольном согласии фон Рундштедта («Этот богемский капрал Гитлер, – негодовал командующий Западным фронтом, – как всегда, принимает решения против себя») Роммель смог полностью переделать существовавшие планы защиты от вторжения.

Всего за несколько месяцев Роммель коренным образом изменил картину. На всех участках побережья, где могла быть вероятна высадка противника, он приказал своим солдатам и трудовым батальонам возводить различные препятствия в виде заостренных металлических и деревометаллических конструкций, бетонных конусов и других сооружений, которые устанавливали ниже уровня воды при отливе. Между препятствиями устанавливали мины. Там, где мин не хватало, применяли снаряды, наконечники которых были направлены в сторону моря и могли взрываться от одного прикосновения.

Необычные изобретения Роммеля (большинство из них он сконструировал сам) были простыми и эффективными. Их назначение состояло в том, чтобы остановить или уничтожить транспортные средства с личным составом противника до того момента, пока береговая артиллерия пристреляет свои орудия. В любом случае, считал Роммель, противник понесет большие потери, еще не достигнув берега. Более полумиллиона указанных препятствий было установлено вдоль линии побережья.

Но Роммель, любивший доводить все до совершенства, не был этим удовлетворен. На песчаном берегу, прибрежных террасах, в оврагах и на дорогах, ведущих к берегу, он тоже приказал устанавливать мины. Мины были всех возможных типов, от больших противотанковых до «пружинных», которые взлетали в воздух и разрывались на уровне пояса. Более пяти миллионов таких мин было уже установлено. До начала высадки Роммель рассчитывал установить еще шесть. Вообще же Роммель планировал защититься от вторжения с помощью 60 миллионов мин.³

Позади миллионов мин и препятствий в бетонных дотах и блиндажах, в траншеях, опоясанные рядами колючей проволоки, сидели в ожидании солдаты Роммеля. С этих позиций уже пристрелянные стволы артиллерии были направлены в сторону моря и линии берега. Некоторые орудия располагались на берегу в замаскированных под обычные домики бетонных укрытиях и были нацелены не в сторону моря, а вдоль берега, чтобы вести огонь вдоль «волн» десантирующегося противника.

Роммель повсюду внедрял новую технику. Там, где не хватало пушек, он применял ракетные установки и многоствольные минометы. В одном месте у него на вооружении были даже миниатюрные танки-роботы, которые прозвали «Голиаф». Они управлялись оператором из

---

³ Роммель очень ценил мины как оборонительное оружие. Во время одной из инспекторских поездок генерал-майор Альфред Гаус (начальник штаба Роммеля до генерал-майора Ганса Шпейделя) указал Роммелю на поле, покрытое весенними цветами, и сказал: «Не правда ли, чудный вид?» Роммель кивнул и сказал: «Запомните, Гаус, на таком поле можно установить около тысячи мин». В другой раз, когда они ездили в Париж, Гаус предложил посетить знаменитую выставку китайского фарфора. Согласие Роммеля удивило Гауса. Но Роммеля не интересовали произведения искусства. Он быстро прошел по экспозиции, повернулся к Гаусу и сказал: «Узнайте, могут ли они делать водонепроницаемые оболочки для морских мин».

укрытия, несли более полутонны заряда и должны были, достигнув берега, взрываться в гуще десантирующегося противника.

В арсенале Роммеля было новое оружие, прототипом которого были используемые в древности емкости с расплавленным свинцом, который выливался на атакующих, – автоматические огнемётные установки. В разных местах вдоль линии обороны были смонтированы системы трубопроводов, которые шли от укрытых цистерн с керосином и выходили на поросшие травой поля, лежащие за линией берега. Одного нажатия кнопки было достаточно, чтобы атакующие части противника были охвачены пламенем.

Роммель позаботился о том, как встретить десант, который мог приземлиться на планерах. За линией фортификационных сооружений все низкие места земли были затоплены, а на возвышенностях были установлены столбы, соединенные проволочными растяжками, прикосновение к которым приводило в действие мины и фугасы.

Роммель подготовил кровавую встречу атакующим. Никогда еще в истории войн не строилось такой мощной обороны. Но Роммель все еще не был доволен. Он хотел больше дотов, больше мин, больше пушек и больше войск. Более всего он хотел бронетанковых дивизий, которые находились бы в резерве на значительном удалении от побережья. С такими дивизиями ему удалось одержать немало славных побед в пустынях Северной Африки. Но сейчас, в этот решающий период ни он, ни Рундштедт не могли использовать эти дивизии без согласия Гитлера. Фюрер держал бронетанковые соединения под своим контролем. Роммелю необходимы были хотя бы пять дивизий, готовых контратаковать противника в течение первых часов после высадки. Был только один способ получить их: встретиться с Гитлером. Роммель часто говорил Лангу: «Тот, кто будет последним, с кем говорил Гитлер, выиграет сражение». В это пасмурное утро в Ла-Рош-Гийон, собираясь отправиться в Германию домой, Роммель, как никогда, был настроен победить.

Глава 5

В 125 милях от Ла-Рош-Гийон в штабе 15-й армии, недалеко от бельгийской границы, был один человек, который с нетерпением ждал наступления 4 июня. Это был подполковник Хельмут Мейер, который сидел у себя в кабинете, усталый, с покрасневшими от недосыпания глазами. Спать ему почти не приходилось начиная с 1 июня. Но ночь, которая закончилась, оказалась самой тяжелой; ее он никогда не забудет.

У него была нервная работа. Кроме того, что он был офицером разведки 15-й армии, он еще был командиром единственного на весь фронт контрразведывательного подразделения. Основой подразделения была служба радиоперехвата, состоящая из 30 человек, которые посменно круглосуточно дежурили в набитом чувствительной радиоаппаратурой бетонном бункере. Их задача была слушать. И ничего больше. Но каждый из 30 человек свободно владел тремя языками, и не было слова или сигнала азбуки Морзе, исходивших от союзников, которых они не понимали.

Команда Мейера была так опытна, а аппаратура так чувствительна, что они могли слушать радиопереговоры, ведущиеся из джипов военной полиции в Англии на расстоянии более 100 миль. Это сильно помогало Мейеру, поскольку американская и британская полиция, ведя переговоры во время сопровождения колонн, позволяла Мейеру составить список дивизий, дислоцирующихся в Англии. Но уже продолжительное время подчиненные Мейера не могли перехватить ни одного разговора. Для Мейера это было сигналом того, что на радиосвязь был наложен запрет и ждать вторжения осталось недолго.

Вместе с другими данными, которыми располагал Мейер, молчание помогало составить представление о планах союзников. Мейер все делал правильно. Несколько раз в день он про-

смаатривал перехваты, надеясь встретить что-то подозрительное, необычное и даже невероятное.

В течение ночи один из его подчиненных и перехватил нечто невероятное. Послание представляло собой телеграфное сообщение, которое гласило:

**«СРОЧНО ДАННЫМ АГЕНТСТВА НУК ЭКСТРЕННАЯ СВЯЗЬ
ЭЙЗЕНХАУЭРА СООБЩАЕТ ВЫСАДКЕ ВО ФРАНЦИИ».**

Мейер был ошарашен. Первым порывом было сообщить в штаб. Затем он успокоился и понял, что правдой это не могло быть.

Это не было правдой по двум причинам. Во-первых, на всем фронте обороны не было отмечено никакой активности. Если бы произошло нападение, то он сразу же узнал бы об этом. Во-вторых, в январе адмирал Вильгельм Канарис, впоследствии шеф германской разведки, сказал ему о двойном сигнале, который должен был стать сигналом для подполья о предстоящей высадке союзников.

Канарис предупредил, что союзники будут передавать в адрес подполья сотни посланий в течение месяцев, но только несколько из них будут касаться дня «D». Остальные будут посылаться в качестве дезинформации. Канарис конкретизировал задачу: Мейер должен перехватывать все сигналы, чтобы не пропустить самый главный.

Мейер поначалу отнесся к словам Канариса скептически. Ему казалось безумным делом заниматься ловлей только одного послания. Кроме того, он знал по собственному опыту, что берлинские источники информации были недостоверны в девяноста случаях из ста. У него было много доказательств. Союзники снабжали всех немецких агентов от Стокгольма до Анкары «точными» данными о месте и времени высадки, но среди них не было хотя бы двух согласующихся.

Но на этот раз, понял Мейер, Берлин был прав. В ночь на 1 июня, после месяцев прослушивания, была получена первая часть послания союзников, как предупреждал Канарис. Оно не было похоже на сотни других закодированных фраз, которые сотрудники Мейера прослушивали в течение предыдущих месяцев. Ежедневно по Би-би-си после выпуска новостей передавали шифрованные сообщения на французском, голландском, датском и норвежском языках, предназначенные для подполья. Большинство этих посланий были непонятны Мейеру. Его даже раздражало, что он не может расшифровать такие фразы: «Троянская война не состоится», «У Джона длинные усы», «Сабина подцепила свинку и желтуху». Но сообщение, которое последовало за девятичасовыми новостями вечером 1 июня, было тем, которое Мейер понял очень хорошо.

«А сейчас прослушайте, пожалуйста, несколько личных посланий», – произнес диктор по-французски. В этот момент сержант Вальтер Рихлинг включил проводочный магнитофон. Последовала пауза, а затем: «Les sanglots longs des violons de l'automne».⁴

Рихлинг внезапно хлопнул ладонями по наушникам, потом сорвал их и бросился из бункера к Мейеру. Он ворвался к командиру и произнес: «Поступила первая часть послания».

Вместе они вернулись в радиобункер, где Мейер прослушал запись. Все так и было; это было послание, о котором предупреждал Канарис: первая строка песни «Chanson d'Automne» («Осенняя песня») на слова французского поэта XIX века Поля Верлена. В соответствии с информацией, полученной от Канариса, эта строка Верлена должна быть передана «в первый или пятнадцатый день месяца... и является первой частью послания, предупреждающего об англо-американском вторжении».

---

⁴ «Долгий плач осенних скрипок» (фр.)

Другой частью послания должна быть вторая строка стихотворения Верлена, «Blessent mon coeur d'une langueur monotone».⁵ Когда эта строка прозвучит, то (как говорил Канарис) «вторжение начнется в течение сорока восьми часов... Отсчет времени нужно вести начиная с нуля часов следующего за передачей дня».

Сразу после прослушивания записи первой строки из Верлена Мейер проинформировал начальника штаба 15-й армии, генерал-майора Рудольфа Хоффмана.

– Первое послание получено, – сказал он Хоффману. – Сейчас что-то должно произойти.

– Вы уверены? – спросил Хоффман.

– Мы записали его, – ответил Мейер. Хоффман немедленно объявил тревогу в 15-й армии.

Мейер тем временем сообщил по телетайпу в ОКВ, затем протелефонировал в штаб Рундштедта («ОВ-West») и в штаб Роммеля (группа армий «В»).

В ОКВ послание получил генерал-полковник Альфред Йодль, шеф оперативного управления. Материал остался на столе у Йодля, он не объявил тревогу. Он предположил, что это сделал Рундштедт; Рундштедт же решил, что приказ издали в штабе Роммеля.⁶

На всем обороняемом побережье только одна армия была приведена в повышенную готовность – 15-я. 7-я армия, удерживающая побережье Нормандии, ничего не знала о послании, и тревогу в ней не объявили.

Вечером 2 и 3 июня первая часть сообщения транслировалась снова. Это обеспокоило Мейера. В соответствии с его информацией послание должны были передать только один раз. Ему оставалось предположить, что повторение было сделано для большей надежности получения информации адресатом (Сопротивлением).

Через час после повторного послания, переданного вечером 3 июня, проскочило сообщение телеграфного агентства о высадке союзников во Франции. Если предупреждение Канариса было точным, то сообщение агентства должно быть ошибочным. После минутной паники Мейер решил, что доверять следует Канарису. В тот момент он чувствовал себя усталым, но почти счастливым. Приближался вечер, и тишина вдоль всей линии фронта свидетельствовала о том, что он прав.

Теперь оставалось ждать получения второй половины послания, которое могло поступить в любой момент. На Мейере лежала страшная ответственность. Отражение вторжения союзных войск, жизнь сотен тысяч его соотечественников, само существование его родины зависели теперь от скорости, с которой он и его служба воспримут второе послание и оповестят фронт. Мейер и его подчиненные должны быть готовы как никогда раньше.

Пока Мейер находился в ожидании, в 125 милях от него командующий группой армий «В» собирался отбыть в Германию.

Глава 6

Фельдмаршал Роммель намазал медом тонкий кусок хлеба с маслом. За завтраком сидели блистательный начальник штаба генерал-майор Ганс Шпейдель и несколько штабных офицеров. Формальностей не было. Шел непринужденный разговор. Завтрак был похож на семейный, когда во главе стола сидит старший. Каждый из офицеров был отобран Роммелем лично, и они были ему многим обязаны. Каждый из них ставил перед Роммелем вопросы, решение которых Роммель мог найти на аудиенции у Гитлера. Роммель говорил мало. Он просто слушал. Роммель посмотрел на свои часы.

– Господа, – сказал он неожиданно для всех, – мне пора.

---

⁵ «Сердце полно томления» (фр.).

⁶ Роммель должен был знать о послании, но, основываясь на своем мнении о вторжении, не придавал посланию значения

Водитель Роммеля Даниэль стоял рядом с «хорьхом», машиной фельдмаршала, у главного входа. Роммель, кроме Ланга, взял с собой в поездку полковника Темпельхофа. Машина полковника должна была ехать сзади. Роммель пожал руки всем штабным офицерам, сказал несколько слов начальнику штаба и занял свое обычное место рядом с шофером. Ланг и полковник Темпельхоф устроились на заднем сиденье.

– Можно ехать, Даниэль, – сказал Роммель.

Машина медленно сделала круг по двору замка, проехала ворота, миновала два ряда подстриженных лип и у деревни свернула налево, на главное парижское шоссе.

Было семь утра. Отъезд Роммеля из Ла-Рош-Гийон в это хмурое утро 4 июня не был для него случайным. Рядом с ним на сиденье лежала коробка с парой замшевых туфель ручной работы. Роммель хотел быть дома к 6 июня – в день рождения жены.⁷

В Англии было восемь часов утра (часовая разница возникала в результате перехода Британии на летнее время). Главнокомандующий силами союзников Дуайт Эйзенхауэр крепко спал после бессонной ночи в своем трейлере, стоявшем в лесу. Прошло уже несколько часов с того времени, как по телефону, с помощью связного и по радио из его штаба было отправлено зашифрованное сообщение. В то время, когда Роммель встал, Эйзенхауэр принял судьбоносное решение: отложить на двадцать четыре часа высадку войск в связи с неблагоприятной погодой. Если погодные условия будут нормальными, днем «D» должно стать 6 июня, вторник.

Глава 7

Капитан-лейтенант Джордж Д. Хоффман, тридцатитрехлетний командир эскадренного миноносца «Корри», смотрел в бинокль на идущий вслед за ним через Английский канал (Ла-Манш) караван кораблей. Ему казалось невероятным, что они смогли пройти так много не будучи атакованными. Они шли точно по курсу и времени.

С того момента, как они покинули Плимут прошлой ночью, конвой, двигаясь со скоростью меньше 4 миль в час, преодолел уже более 80 миль.

В любую минуту Хоффман ожидал атаки подводной лодки, или авиации, или того и другого вместе. Кроме того, он ждал встречи с минными полями по мере того, как они все дальше входили в воды, контролируемые противником. Всего в 40 милях впереди лежала Франция.

Он был молодой командир. Менее чем за три года он вырос от лейтенанта до капитана корабля. Он был необычайно горд тем, что ведет этот великолепный конвой. Но, глядя в бинокль, он понимал, что они являются прекрасной мишенью для противника, как застывшая на воде утка для охотника.

Впереди шли минные тральщики, 6 небольших катеров, которые двигались уступом и тралили море, каждый справа от себя, с помощью специальных длинных тросов, которые при контакте с миной взрывали ее. За тральщиками следовали силуэты эсминцев охранения. А за ними, насколько хватало взгляда, растянулся конвой: длинный караван из неуклюжих десантных судов с тысячами солдат, танков, пушек, автомобилей и боеприпасов. На каждом из перегруженных судов на корме был прикреплен противоздушный аэростат. Защитные аэростаты

---

⁷ После окончания Второй мировой войны старшие офицеры из окружения Роммеля старались оправдать отсутствие фельдмаршала 4, 5 и большую часть 6 июня уважительными причинами. В статьях, книгах и интервью они настаивали на том, что Роммель уехал в Германию 5 июня. Это неправда. Они также говорили, что его вызвал Гитлер. Это тоже неправда. Единственным человеком из гитлеровского командования, который знал о том, что Роммель собирался встретиться с фюрером, был адъютант фюрера генерал-майор Рудольф Шмундт. Генерал Вальтер Варлимонт, впоследствии глава оперативной службы ОКВ, сказал мне, что ни Йодль, ни Кейтель, ни он сам даже не знали, что Роммель находился в Германии. И в день «D» Варлимонт думал, что Роммель находится у себя в штабе и руководит войсками. Что касается даты, когда Роммель покинул Нормандию, это было 4 июня. Подтверждением служит по-немецки точная запись, сделанная в военном журнале группы армий «В».

под ветром отклоняли суда в одну сторону, и создавалось впечатление, что весь конвой был загружен пьяными докерами.

Это было то, что мог видеть Хоффман. Когда он прикинул расстояние от одного судна до другого и умножил его на число судов, получилось, что конец этого фантастического морского парада должен был находиться еще в Англии, в порту Плимут.

И это был только один конвой. Хоффман знал, что десятки таких конвоев уже находятся на одном уровне с ним или должны покинуть Англию в течение дня.

Этой ночью все они должны сойтись в заливе Сены. К утру этот гигантский флот, состоящий из 5 тысяч кораблей, должен был обеспечить высадку десанта на берегах Нормандии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.